

Начальная школа, где вызвался преподавать Тан Юйхуэй, находилась более чем в десяти километрах от посёлка. Плотность населения на высокогорье была такова, что слово «низкая» её не описывало — это было место, куда редко ступала нога человека. Когда родители Кан Чжэ услышали, что этот сяо Тан временно остался в их глуши учителем, они на мгновение лишились дара речи. Отец Кан Чжэ десятилетиями хранивший в сердце учительский долг, узнав об этом, вместо слов несколько раз хлопнул Тан Юйхуэя по плечу, едва сдерживая слёзы.

Мечты о сладком сне до полудня с тех пор покинули Кан Чжэ. Статус Тан Юйхуэя в семье Кан взлетел до небес. Родители не только освободили его от платы за жильё на ближайший месяц, но и в приказном порядке заставили Кан Чжэ каждый день возить того в школу и обратно.

Каждый день Кан Чжэ просыпался с мрачным видом и по пути в школу часто не говорил ни слова. Зато на обратном пути он обычно пребывал в отличном настроении и даже достаивал Тан Юйхуэя долгим поцелуем там, когда не могли видеть ученики.

Тан Юйхуэй, спонтанно решившийся на эту работу, остался в доме Кан в виде исключения: школа не могла предоставить ему жильё.

Однажды по дороге в школу Кан Чжэ саркастично заметил, что волонтерство Тан Юйхуэя — элитный тур для молодого господина с личным водителем и проживанием в гостинице. Тан Юйхуэю нечего было возразить — конечно, это не то же самое, что развозить еду на спорткаре ради хайпа, но Кан Чжэ был прав. Крыть было нечем, на душе была обида: он же открылся Кан Чжэ, почему же тот ничуть не изменился?

Увы, у Тан Юйхуэя духу не хватало дать отпор. Вся его храбрость оставалась лишь в мыслях, и никакой угрозы он не представлял. В ответ на колкости он лишь широко раскрывал глаза, воображая, что выглядит грозно. Кончилось это тем, что, когда он вошёл в класс, сидевшая в первом ряду смуглая девочка с тревогой посмотрела на него и спросила на китайском с сильным акцентом:

— Учитель, почему у вас такое красное лицо? Вы заболели?

Чувствуя себя виноватым и смущённым, Тан Юйхуэй ответил, что нет, и тут же отвернулся к доске, чтобы написать формулы и теоремы на сегодня. Так называемая доска была простой

каменной плитой, гладкой и тёмной. Мелки были сточены почти до конца, но ученики каждый день аккуратно складывали их на шатком учительском столе.

Тан Юйхуэй был добрым и отзывчивым, много знал, чисто и опрятно одевался, держался уверенно, был выпускником лучшего столичного университета, жил в доме у Кан Чжэ-гэгэ... А главное — он был невероятно, потрясающе красив, словно человек из другого мира. Дети не воспринимают понятия «добро» и «зло», «бедность» и «богатство» так глубоко как взрослые. Но для этих ребяташек, с их чумазыми личиками и старой одеждой в бесчисленных заплатках, Тан Юйхуэй был объектом сильного и сложного восхищения, смешанного с мечтой.

Условия сейчас были уже не такими плохими, как раньше, и дети видели учителей из города. Но ни один из них не был похож на Тан Юйхуэя. Он казался воплощением чего-то прекрасного и недостижимого, чистого и ясного, как небо, но столь же далёкого. Этот ослепительный свет делал их восхищение чем-то смутным и невыразимым, что не мешало каждому ребёнку в классе втайне любить учителя Тана.

В местной школе не было деления на шесть классов — только на младшие и старшие. Тан Юйхуэй, опасаясь, что не справится, начал с самых маленьких. Но, несколько раз заметив старшекласников, подслушивающих у двери, стал вести уроки математики для всех вместе.

И без того тесный класс наполнился грязными смуглыми детьми, которые, задрав головы, сосредоточенно смотрели на доску. Выводя на ней иероглифы, Тан Юйхуэй чувствовал, что его сердце успокаивается. Он знал: стоит ему обернуться, он увидит десятки пар глаз, сияющих, словно звёзды. Каждый день в правом нижнем углу доски он находил написанные неуклюжим детским почерком слова: «Здравствуйте, учитель». Почерк ежедневно менялся: кто-то пытался подражать взрослым, выводя слова угловато и неловко. Иногда казалось, будто все эти черты и линии собрались вместе ценой невероятных усилий — было ясно, что написание иероглифов давалось авторам нелегко. Так его застенчивые, замкнутые ученики каждый день выражали ему свою симпатию и здоровались с ним. Условия были тяжёлыми, даже мел был дефицитом, его старательно экономили. Поэтому слова «Здравствуйте, учитель» часто ютились в крошечном, почти незаметном уголке. В первые дни занятий Тан Юйхуэй их даже не замечал.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды, объясняя понятие множества, он не решил нарисовать на доске зверушек для примера. Он так увлёкся, что ему не хватило места, и только тогда его взгляд упал на слова в углу. Он замер, глядя на надпись в благоговейной тишине, пока само это молчание, густое и горьковато-сладкое, не заставило его очнуться. Тан Юйхуэй повернулся и озарил самой лучезарной улыбкой это созвездие маленьких звёзд, что прежде были скрыты в тени, а сейчас, сверкая изо всех сил, трепетно ждали ответа.

Глаза Тан Юйхуэя изогнулись полумесяцами, наполнившись сияющей влагой. Его слова благодарности были подобны ясной ночи после грозы: бледный серебристый свет луны озарил нежные склоны гор. Почти все в классе расплылись в ответной улыбке, а самые стеснительные опустили головы.

Эту сцену видел и Кан Чжэ. Часто, проводив Тан Юйхуэя, он не спешил возвращаться в гостиницу, а валялся на траве школьного двора, чтобы разогнать утреннюю злость или просто вздремнуть. В тот день он стоял за единственным окном, в слепой зоне обзора, собираясь понаблюдать ещё минут десять — увидит ли Тан Юйхуэй сегодня подарок от детей?

Реакция Тан Юйхуэя была почти такой, как он и представлял: сначала долгое оцепенение, затем — широкая, согревающая улыбка. Эта сцена тронула Кан Чжэ сильнее, чем он ожидал. Он постоял ещё немного, закурил сигарету и, не возвращаясь в школьный двор, тихо уехал на мотоцикле.

Сегодняшний день должен был пройти как обычно. Кан Чжэ по заведённому ритуалу подошёл к двери комнаты Тан Юйхуэя и постучал, но на этот раз не услышал весёлого топота ног. Никто не выглянул из-за двери с вороватым видом, чтобы тут же обнять его за шею и после долгих колебаний застенчиво поцеловать в щёку. Тан Юйхуэй открыл дверь лишь спустя долгое время. Он стоял, опустив голову: выражение его лица было не разглядеть, но волосы всклокочены, словно у ягнёнка, попавшего под ливень.

Кан Чжэ поднял его подбородок и всмотрелся. К счастью, тот не плакал, только глаза были слегка красными. Он мягко спросил:

— Что случилось?

Тан Юйхуэй покачал головой.

— Ничего. Пойдём скорее, опоздаем на урок.

Кан Чжэ уже давно научился различать оттенки настроения Тан Юйхуэя. К своему удивлению,

он понял, что Тан Юйхуэй не боится показаться слабым, а действительно не ищет утешения. Кан Чжэ, уже начав подбирать самые нежные слова, покорно замолчал.

По дороге, сидя на мотоцикле, Тан Юйхуэй не проронил ни слова, что было редкостью. Он весь поник, словно трава, прибитая инеем. Кан Чжэ, убедившись, что вокруг никого нет, снял его с мотоцикла у школьных ворот и осторожно высвободил его голову из шлема. Краснота в уголках глаз так и не сошла. Он нахмурился:

— Тебе сегодня лучше не ходить на занятия. Я предупрежу директора.

Тан Юйхуэй молча покачал головой. Но видя, что Кан Чжэ не собирается его отпускать, выдавил из себя улыбку:

— Я не могу пропускать занятия. К тому же, я хочу пойти. Всё в порядке. Забери меня после обеда, хорошо?

Даже в такие моменты в нём проявлялась трогательная, покорная доброта. Кан Чжэ не нашёл, что ответить, и лишь пробурчал:

— Если что, сразу звони.

Превозмогая себя, Тан Юйхуэй провёл на занятиях целый день. Сырое, тоскливое чувство, будто его с головой окунули в ледяную воду немного рассеялось. Выйдя из школы, он увидел Кан Чжэ, который, сидя на мотоцикле, ждал его у ворот. Взгляд Тан Юйхуэя, потерянный и блуждающий, скользнул мимо Кан Чжэ к бездонной синеве неба и парящим облакам. «Какое счастье, что вы есть, — пронеслось у него в голове, — такие ясные, такие вольные. Способные одним своим видом утешить бесчисленное множество крошечных затерянных жизней».

Едва Тан Юйхуэй сел на мотоцикл, Кан Чжэ сорвался с места и помчался как на крыльях. Тан Юйхуэй, обхватив его за талию, чуть не закричал от испуга. Кан Чжэ не повёз его в гостиницу. Тан Юйхуэй растерянно смотрел на незнакомые пейзажи и с удивлением наблюдал, как Кан Чжэ останавливает мотоцикл у подножия небольшого холма. Кан Чжэ прошёл несколько шагов

и, словно опомнившись, обернулся ко всё еще стоящему у мотоцикла Тан Юйхуэйю.

— Ах да, — серьёзно сказал он. — Тебя поднять наверх?

Тан Юйхуэй поспешно зашагал вперёд.

— Не нужно... я сам.

Они быстро поднялись на вершину. Разноцветные молитвенные флажки трепетали на ветру среди зелёных лугов, словно готовые сорваться с веревок и улететь к заснеженным горам. Снизу этого не разглядеть — лишь с вершины открывался вид на извилистую речку, огибающую холмы. Солнце окутало её золотым сиянием, и мириады бликов на воде превратились в океан бриллиантов: словно сквозь сито заката просеяли золотую пудру.

Кан Чжэ лёг на мягкую траву и сказал:

— Садись.

Тан Юйхуэй, не отрываясь, смотрел на открывшийся вид.

— Где мы? — ошеломлённо спросил он. — Зачем ты привёз меня сюда?

— Одна безымянная гора, — ответил Кан Чжэ. — Просто присядь.

Тан Юйхуэй сел рядом с ним, прямо напротив сверкающей золотом речной ленты. Молитвенные флаги трепетали вокруг них, и ветер, хоть и несильный, казалось, был живым и окутывал их со всех сторон. Кан Чжэ лежал рядом, слегка повернув голову набок и прикрыв

глаза от солнца.

— Рассказывай.

Тан Юйхуэй замер.

— Что?

— Не мне, — сказал Кан Чжэ. — Расскажи этой безымянной горе. Ей очень одиноко, она уже давным-давно не слышала человеческой болтовни. Сделай доброе дело.

Тан Юйхуэй помолчал, будто не понимая, а потом улыбнулся:

— Вот как... Тогда это и впрямь очень несчастная и одинокая гора. Интересно, захочет ли она слушать скучные человеческие жалобы?

Кан Чжэ, не поднимая век, похлопал ладонью по влажной земле под травой.

— Она говорит: «Как хочешь».

Солнечный свет падал на лицо Кан Чжэ. Тан Юйхуэй отчаянно захотелось его поцеловать. Он нежно коснулся губами его уха. Кан Чжэ наконец открыл глаза и взглянул на него тёмным, как смоль, взглядом, а через мгновение медленно сомкнул веки.

Тан Юйхуэй помолчал немного, а потом сказал:

— Утром... мне звонила мама. — Он сделал паузу и затем очень тихо добавил: — Я ведь не говорил, да? У меня была сестра. Её звали Юй Хуэй.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130181>